

условия способствовали широкому распространению идентичных элементов обрядового ряжения в хозяйственном быту и семейной обрядности многих народов мира, в том числе Кавказа³⁰.

³⁰ *Рухадзе Дж. А.* Бэри-Бэра — главный персонаж древнегрузинского праздника. — Материалы по этнографии Грузии. Вып. IX. Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1957 (на груз. яз.); *Чибилов Л. А.* Народный земледельческий календарь осетин. Цхинвали: Ирыстон, 1976; *Брегадзе Н. А.* К изучению истории Берикаоба. — Мацне, 1980, № 1 (на груз. яз.); *Мафедзев С. Х.* Обряды и обрядовые игры адыгов. Нальчик: Эльбрус, 1979, с. 22—25; *Мадаева З. А.* Новогодняя обрядность в семейном быту вайнахов. — В кн.: Семейно-бытовая обрядность в семейном быту вайнахов. Грозный, 1982; *Карпов Ю. Ю.* Общинный зимний праздник у цезов. — Сов. этнография, 1983, № 3.

В. А. Тишков

НОВЫЙ ОРЛЕАН ГЛАЗАМИ ЭТНОГРАФА *

Пятидневное пребывание в незнакомом зарубежном городе — явно недостаточно для обстоятельного этнографического очерка. Но слишком велико искушение попытаться описать хотя бы малую часть увиденного в этом одном из наиболее интересных и «этнографических» городов Соединенных Штатов Америки.

Новый Орлеан расположен на берегу «отца вод» — р. Миссисипи, в 175 км от ее впадения в Мексиканский залив. Город был основан французскими колонистами в 1718 г. на месте индейского поселения. После Семилетней войны 1756—1763 гг. он отошел к Испании, в 1800 г. был снова захвачен Францией, в 1803 г. вместе со всей обширной территорией Луизианы продан Наполеоном Соединенным Штатам. Сегодня Новый Орлеан — один из крупнейших портовых городов США (рис. 1). Его население занято главным образом в сфере обслуживания, на предприятиях нефтеперерабатывающей, химической и военной промышленности, а также в судостроении и судоремонте.

По переписи 1980 г., всего в Новом Орлеане проживало 557 482 чел., из них: белых — 236 967, черных — 308 136, индейцев — 524, выходцев из Азии и с островов Тихого океана — 7332, испаноязычных американцев — 19 219, других — 4523 чел. Эти данные неудовлетворительны прежде всего необоснованностью выделения таких категорий, как этно-расовая группа «белые», лингвистическая группа «испаноязычные американцы». Чтобы яснее представить себе ситуацию, мы обратились при подготовке данного очерка к известному американскому этносоциологу С. Либерсону с просьбой сообщить дополнительные сведения из имеющихся в его распоряжении, пока не опубликованных материалов переписи. По данным С. Либерсона, пять крупнейших этнических групп населения города составляли: черные (36%), американцы французского происхождения (22%), немецкого (16%), ирландского (13%) и английского (13%). Эти данные также нуждаются в корректировке, так как вопросы переписи позволили давать несколько ответов при смешанном этническом происхождении. Но в любом случае ясно, что население Нового Орлеана этнически неоднородно (как и всех крупных городов США), а его основная отличительная черта — концентрация в городе значительной части проживающих в стране американцев французского происхождения.

Заложенная французскими первопоселенцами культурная традиция оказала сильное влияние на всю последующую историю города и по сегодняшний день определяет одну из наиболее специфических характеристик этого «Парижа Америки». Креольское наследие («креолами»

* В апреле 1984 г. в Новом Орлеане состоялся Советско-американский симпозиум по сравнительному изучению этнических процессов в СССР и США. Данное сообщение написано по впечатлениям автора о пребывании в этом городе.

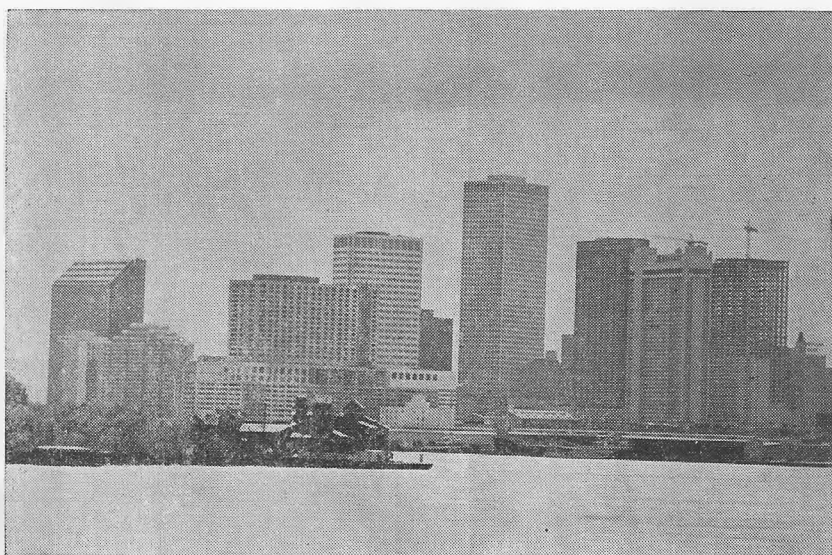

Рис. 1. Вид на деловой центр Нового Орлеана с р. Миссисипи
(Здесь и далее фото автора)

здесь называли французов, родившихся в заморских колониях Франции) отчетливо прослеживается как в материальной, так и в духовной культуре населения Нового Орлеана. Его зримым воплощением является ныне заповедная старая часть города — знаменитый французский квартал, или «старая площадь» (Vieux Carré). Квартал образуют 14 выходящих к Миссисипи и 7 идущих параллельно берегу улиц. Так был спланирован французским инженером А. Поже город вскоре после его основания. Квартал сохранился фактически в неизменном виде, представляя, как нигде в Америке, европейскую градостроительную традицию в причудливой смеси с инновациями колониальных времен, диктуемыми местными природными условиями. Новоорлеанцы не зря говорят: «Если хочешь съездить за границу, не покидая Соединенных Штатов, посети французский квартал».

Центром французской части города является обращенная к реке площадь Джексон-сквер с расположенным на ней старейшим в США

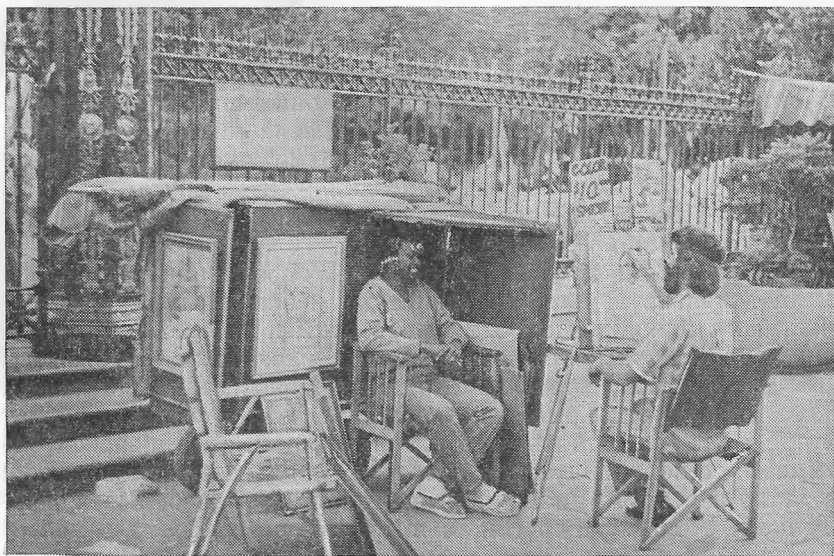

Рис. 2. Уличный художник на Джексон-Сквер

Рис. 3. Дома креолов во французском квартале

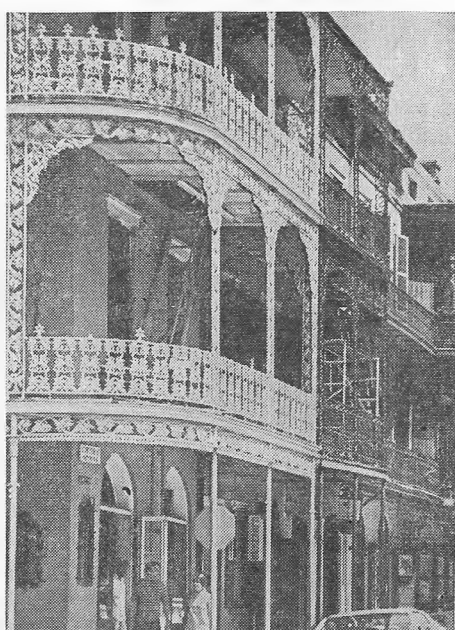

Рис. 4. Балкон креольского дома

католическим собором Св. Людовика. Площадь облюбовали уличные художники и артисты, здесь происходят народные гуляния и даются представления (рис. 2). Неподалеку вдоль реки протянулись торговые ряды—«французский рынок», где окрестные фермеры продают овощи и фрукты, а по субботам и воскресеньям местные ремесленники свои изделия; здесь же много торговцев разной мелочью и антикварнатов.

Главная достопримечательность французского квартала — жилые дома креолов. Это прекрасный образец архитектуры, созданной в местных условиях с учетом климата и топографии города и вобравшей в себя элементы как французского, так и испанского традиционного жилища. Двух-, трех- и реже четырехэтажные постройки из камня и кирпича имеют обычно фасадные стены, выходящие прямо к обочине тротуара — на самой границе земельной собственности владельца. Необычную красоту и своеобразие фасадам домов придают нависающие над тротуарами на уровне второго и третьего этажей балконы и галереи, сделанных из изящных чугунных опор и литых оград и карнизов (рис. 3 и 4). Изготовленные местными мастерами, они могут конкурировать по мастерству исполнения с изделиями каслинских мастеров и парковыми оградами Ленинграда. Через арку с резными чугунными воротами с улицы многие дома имели въезд для экипажей во внутренние дворики типа испанских патио, где креолы в уединении и прохладе любили проводить время в семейном кругу.

Сейчас многие из старых построек реставрированы, превращены в уютные и довольно дорогие гостиницы с небольшими плавательными бассейнами во двориках или же в рестораны и бары. Во многих домах на первых этажах расположены магазины, мастерские, художественные салоны. Часть домов переделана под многоквартирные или под меблированные комнаты, которые сдаются внаем. Сейчас среди их обитателей много представителей творческой интеллигенции, американской богемы. Кстати, именно во французском квартале создали свои лучшие произведения такие известные писатели, как Уильям Фолкнер, Шервуд Андерсон, Теннесси Уильямс, Гор Видал и др. Всего несколько домов сохранили своих хозяев, ведущих родословную от первых владельцев. Здесь же проживают многие из новоорлеанских иммигрантов, особенно итальянцы. Еще несколько десятилетий тому назад квартал был преимущественно

щественно районом бедняков, где обитали герои пьесы Т. Уильямса «Трамвай „Желание“» Стенли Ковальский и его друзья.

Туристско-развлекательный характер эта часть города приобрела сравнительно недавно — после второй мировой войны. Сейчас квартал — одно из излюбленных мест американских и иностранных туристов. Центральная его улица Бурбон-стрит, где расположены ночные клубы и рестораны, после полудня закрывается для автомобильного движения и превращается уже к раннему вечеру в музыкально-танцевально-гастрономическую феерию, производящую неизгладимое впечатление на американцев, привыкших к стандартизированной монотонности большинства городов. И опять же историко-культурная специфика креольской колониальной традиции играет в туристском бизнесе определяющую роль. Она проявляется не только в архитектурном облике, но и в кухне, заметно отличающейся от обычной американской. Известно на этот счет выражение, что «туристы едут в Новый Орлеан, чтобы поесть, как они едут в Нью-Йорк смотреть спектакли, в Вашингтон — поклониться правительственным святыням, в Голливуд — поглазеть на киноактрис».

Строго говоря, американцы не имеют собственной национальной кухни, исключение составляют, пожалуй, только два-три блюда вроде хамбургеров (мясная рубленая котлета в круглой булке) и хотдогс (сосиски в продолговатой булке), приобретших широкую известность. Американская кухня — это соединение разных традиций, которые привезли с собою в США иммигранты из различных районов мира. Однако в Новом Орлеане мы имеем дело с чем-то особым и вполне самобытным — с так называемой «креольской кухней». Ее специфику определяет прежде всего богатый животный мир устья р. Миссисипи и Мексиканского залива в сочетании с экзотическими дарами субтропической суши. В основе местной кухни лежат особые способы приготовления рыбы, устриц, крабов, креветок, раков в сочетании с овощами, мясом, рисом и всевозможными приправами.

Судя по названиям некоторых наиболее известных блюд, креольская кухня сравнительно молодая, уж никак не старше местных поселений. Новоорлеанцы советуют попробовать в качестве горячей закуски устрицы по-рокфеллеровски — запеченные на каменной соли устрицы в половинках створок, залитые приправой, приготовленной из смеси различной зелени, лука, грибов, предварительно обжаренных в масле. Устрицы по-рокфеллеровски готовят не во всех ресторанах, и они не столь доступны по цене, как другие местные блюда. Это прежде всего джумбо (тушеное с зеленью и овощами мясо крабов, креветок и устриц, приправленное перцем, лавровым листом и другими пряностями), а также креольская джамбалая (очищенные креветки, обжаренные в масле с зеленым перцем, чесноком и сельдереем, а затем сваренные с рисом). К традиционным блюдам местной кухни относятся также креветки по-креольски (вареные с овощной приправой и пряностями) и речные раки по-креольски (сваренные на пару с рисом и овощной приправой).

Французское колониальное наследие сохраняется в местной топонимике. В городе по-французски звучат не только названия многих улиц. Гостиница, где мы жили (во французском квартале на улице Тулузы), носила имя Марии-Антуанетты (рис. 5), ресторан в гостинице — Людовика XVI, а один из банкетных залов назывался «Комната Робеспьера».

Что касается французского языка, то он не используется в качестве разговорного в самом городе, но в ряде графств штата Луизиана, где проживает этнографическая группа акадийцев (экейджанс — по-американски) — французских поселенцев, изгнанных Англией из Канады в XVIII в., французский язык бытует в качестве языка домашнего общения. Возрождающийся интерес к креольской традиции всячески культивируется и даже используется в политических целях местной элитой. Занимавший в 1984 г. пост губернатора штата Эдвин Эдвардс — потомок акадийцев — произвел сенсацию и приобрел шумную известность тем, что произнес текст присяги при вступлении в должность на французском языке.

Рис. 5. Гостиница «Мария-Антуанетта»

Другая отличительная характеристика этнокультурного облика Нового Орлеана связана с традициями американского плантаторского Юга. В начале прошлого столетия город начинают интенсивно заселять «янки» — американцы из северо-восточных штатов. Они заняли привилегированное положение в местном обществе, оттеснив на второй план и изолировав креольское население. Это нашло отражение в топографии города. Французский квартал был отделен с востока от вновь строящихся районов широкой полосой земли, где затем рабочие-иммигранты, главным образом шотландцы и немцы (в 1820—1860 гг. в город прибыло около 80 тыс. иммигрантов из Европы), прорыли в 30-х годах XIX в. канал, позднее зарытый. Сейчас это улица Кэнел-стрит, на которой расположены крупные магазины, банки, конторы компаний, кинотеатры. Город приобрел другую планировку; от границы французского квартала к

западу, повторяя очертания излучины реки, протянулась широкая и зеленая улица Сент Чарлз-авеню. На ней еще в первой половине XIX в. построили себе дома богатые горожане — хозяева рабовладельческих плантаций, короли хлопка, позднее — промышленники, разбогатевшие на нефтедобыче, крупные торговцы, судовладельцы. По этой улице был пущен трамвай — тот самый трамвай «Желание», который прославил в своей пьесе Теннесси Уильямс.

Здесь расположен самый фешенебельный район, так называемый «садовый» (garden district). Хорошо сохранились старинные дома местных богачей, представляющие собой прекрасные образцы архитектурного стиля американского Юга. Дома расположены просторно (четыре дома по углам с участками образуют квартал). Они обнесены чугунными оградами, искусно выполненными из кованого или литого чугуна

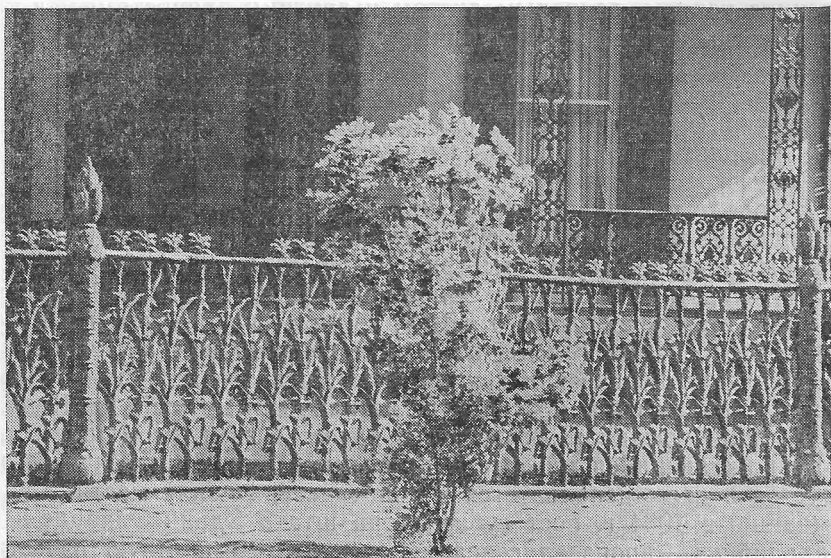

Рис. 6. Чугунная ограда в «растительном стиле»

(рис. 6). Перед многими калитками сохранились так называемые «экипажные камни» (carriage stones), которые когда-то привозили из Европы в качестве балласта, здесь в болотистой низине их укладывали на тротуары, чтобы выходящие из экипажей дамы не пачкали в грязи свои длинные платья (рис. 7). Дома имеют полукруглые веранды и широкие галереи, фасады украшены колоннами в неогреческом стиле. Высокие, от самого пола, так называемые «гильотинные» окна с поднимающимися вверх рамами (guillotine windows) в жаркое время года служили дополнительным входом и превращали комнаты первого этажа в своеобразные веранды. Такие дома имеют по 20—30 комнат. Сейчас содержание старинных построек обходится дорого, и многие из обедневших владельцев продали их под различные учреждения или даже многоквартирные дома. Только часть домов по-прежнему принадлежит представителям местной знати.

Рис. 7. Вход в дом богатого горожанина (на переднем плане — «экипажный камень»)

Кстати, эту элиту города не обязательно составляют самые богатые нувориши. Здесь, как нигде в стране, культивируется традиция знатного происхождения из старинных семей южан-плантаторов, отстаивавших свои интересы и образ жизни в годы Гражданской войны 1861 г. Некое подобие американского дворянского сословия, в свое время прекрасно изображенное в романе Маргарет Митчелл «Унесенные ветром», старается сохранить остатки былого социального статуса, а вместе с ним и некоторые культурные традиции. Расовые и социальные барьеры в новоорлеанском обществе остаются до сих пор очень высокими, а межрасовые браки фактически отсутствуют.

Дома более бедных горожан (в восточной части города) отличаются скромными размерами и простой планировкой: узкий, шириной в одну комнату фасад на два-три окна, обращенный к улице, обозначает переднюю границу крохотного участка, и уходящие в глубь двора три-четыре комнаты. Эти дома общей длиной от 10 до 30 м получили название «пистолетных» (shotgun houses), так как от входной двери с улицы можно было через весь дом подстрелить гулявшую во дворе курицу. Сначала такие дома строились для рабов на плантациях, затем для рабочих-иммигрантов в городе. Существовал также тип таких домов для двух семей (double shotgun). В том случае, когда над задней частью дома пристраивался второй этаж, он назывался «верблюжьим горбом» (camelback).

Институт рабовладения наложил сильный отпечаток на культуру города. Городские рабы проживали обычно вместе с хозяевами (один хозяин имел двух-трех рабов, а некоторые — десять и более). Они выполняли все домашние работы, а также трудились в хозяйских магазинах, мастерских и на других предприятиях. В богатых домах рабы жили во дворе, где стояли длинные и узкие бараки из кирпича или камня, почти не сохранившиеся до наших дней.

В прилегающей к французскому рынку торговой улице, идущей вдоль берега Миссисипи, сохранились так называемые «рядные дома» (row houses), в которых жили ремесленники и торговцы (рис. 8). Они стоят вплотную друг к другу (между ними прокладывалась только стенка из асбестовых плит). В этих домах на первом этаже находились

Рис. 8. «Рядные дома» на берегу Миссисипи

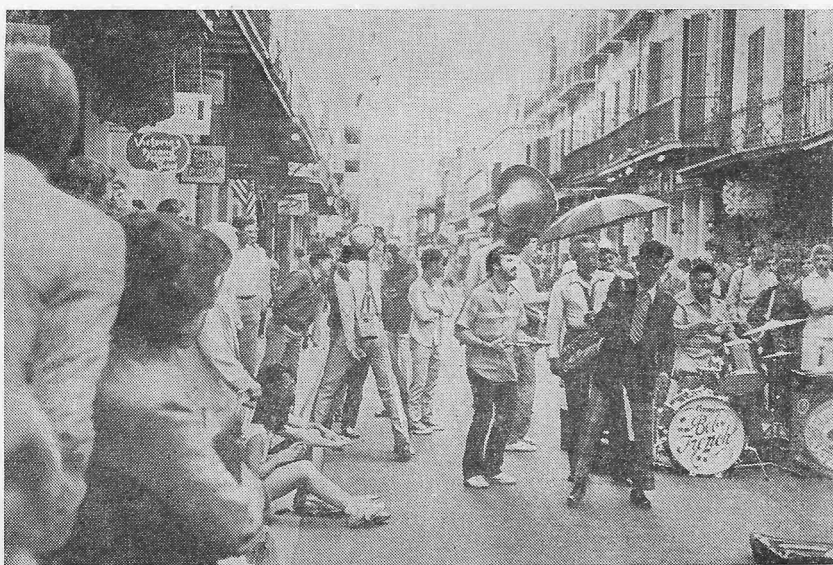

Рис. 9. Уличное представление джаз-оркестра во французском квартале

мастерские или торговые помещения. На втором этаже жили рабы, что хорошо видно по тому, как выглядит фасад этого этажа (здесь низкие потолки и на фасаде нет никаких украшений). На третьем этаже с высокими красивыми окнами и балконами жила сама семья (рис. 8).

Социально-сословные трения между жителями французского квартала и англо-американской частью города не идут ни в какое сравнение с главной антагонистической тенденцией в местном обществе, зародившейся вместе с основанием города, — антагонизмом между свободными белыми жителями и их чернокожими рабами. История Нового Орлеана — это история общества, процветавшего на рабовладении и пропитанного расизмом. Именно здесь дольше всего держались противники десегрегации и признания равноправия черных граждан Америки. Именно здесь в прошлом веке действовала известная организация расистских погромщиков «Святая белая лига», почитатели и потомки членов которой до сих пор собираются ежегодно 14 сентября у монумента, посвя-

щенного расправе над участниками негритянских волнений в 1874 г. Только недавно, когда половину населения современного Нового Орлеана стали составлять афроамериканцы, протесты последних заставили власти издать распоряжение убрать с монумента расистов оскорбительную надпись «белое превосходство» (white supremacy).

Проживание в городе довольно значительной общины черных американцев послужило основой для формирования наряду с креольской и южноплантационной также и замечательной негритянской культурной традиции, придающей этнографическому облику этого города особую значимость и исключительный интерес. Низкий социальный статус негров как во времена рабовладения, так и после отмены его не позволил им оставить столь зримые свидетельства своей материальной культуры, как их белым согражданам. Жилища рабов сохранились в малом числе и, как и современные негритянские гетто (в Новом Орлеане они одни из самых страшных в Америке), в туристских проспектах не рекламируются и отсутствуют в перечне местных достопримечательностей.

Зато общемировую известность приобрели достижения духовной культуры американских негров. Именно в Новом Орлеане на основе народных мелодий и ритмов, вывезенных из Африки чернокожими рабами, родился замечательный музыкальный синтез в виде новоорлеанского джаза. Джаз придает городу неповторимую специфику. Во многих городах США действуют особые запреты против уличных музыкантов, а здесь музыка звучит именно на улицах. Во французском квартале уличные джаз-оркестры с певцами и танцорами начинают свои ежедневные представления вскоре после полудня и заканчивают ближе к полуночи (рис. 9). Вечером весь квартал наполнен музыкой: звуки джаза разных стилей выплескиваются на улицу через ресторанные двери, которые всегда зазывающе открыты. Для любителей джаза здесь есть особо почитаемые места. На улице Сент-Питер в доме № 726 находится знаменитый зал памяти (preservation hall), где уже многие десятилетия играет традиционный новоорлеанский джаз. Нарочитая обшарпанность крохотного зала без кондиционера, без сидячих мест (кроме нескольких длинных скамей), скромная плата за вход (2 долл.) создают подлинную атмосферу народного представления, когда негритянские музыканты играют ставшие уже давно классическими мелодии.

Джазовая культура почитается в городе, хотя в целом в Америке джаз пребывает в состоянии кризиса, уступая напору разных форм поп-музыки. В Новом Орлеане при Тюлейнском университете хранится уникальный архив джаза с богатейшей фонотекой и литературой. В городе есть музей джаза, а в одном из скверов стоит памятник Луи Армстронгу. Ежегодно устраиваются общенациональные фестивали джазовых коллективов.

Афроамериканская культурная традиция не ограничивается только сферой музыки. До сих пор в беднейших районах города, где живут темнокожие, можно встретить последователей некогда широко распространенного культа «воду» (своеобразной смеси африканского анимизма, колдовства и христианства), проникшего сюда из Карибского региона главным образом в период восстаний рабов в Санто-Доминго в XVIII в.

Во времена рабовладения в городе был распространен обычай «пласажа» (наложничества, когда белые мужчины имели наложниц из темнокожих женщин). До середины XIX в. вполне официально устраивались так называемые «квартеронские балы» (обычно с ноября по май), куда приглашались белые мужчины и цветные женщины. Потомки рождавшихся после этого мулатов ныне составляют подавляющее большинство афроамериканцев США. Новый Орлеан — один из наиболее характерных городов Америки, значительную долю которых составляет расово-смешанное население. На его улицах в часы обеденного перерыва большинство прохожих составляют люди с темной кожей, демонстрируя огромное разнообразие оттенков кожи и черт лица. Заметно присутствие других этнорасовых меньшинств — выходцев из Азии,

Латинской Америки (рис. 10, 11). В конце дня можно заметить в деловой части города, как на некоторых остановках общественного транспорта стоят группы исключительно темнокожих горожан, дожидаясь автобуса, чтобы добраться до дома после работы. Их облик резко контрастирует с сытой беспечностью начинающего бурлить по соседству французского квартала. Бесспорно, жизнь этих групп городского населения заслуживает более обстоятельного рассмотрения, и только отчаянная нехватка времени, заполненного почти целиком работой симпозиума советских и американских этнографов, удержала автора от попытки сесть в один из таких автобусов и проехать до конца его маршрута.

У Нового Орлеана помимо французского квартала много и других достопримечательностей, представляющих этнокультурный интерес. Например, наличие в городе около 30 кладбищ, из них некоторые — неременный объект туристских маршрутов. Дело в том, что еще с конца XVIII в. здесь получил распространение довольно необычный для Америки способ хоронить мертвых не в могилы, а в наземные саркофаги или склепы. Вызвано это было, в частности, необычайно высоким уровнем почвенных вод (1—3 фута в прошлом и около 18 футов сейчас благодаря дренажной системе и постоянной откачки воды в оз. Понтчатрейн), не позволявшим копать могилы. На таких богатых кладбищах, как Метэри, саркофаги представляли собой роскошные и дорогостоящие сооружения из мрамора или гранита, украшенные каменной резьбой и скульптурой. Такие мавзолеи иногда стоят несколько сот тысяч долларов, и они, конечно, были не по карману бедным горожанам, которых хоронили или в более скромных сооружениях из оштукатуренного кирпича, или в кладбищенской стенке, в нишах, напоминающих стены нынешних крематориев.

В мавзолее обычно имеется место для шести гробов, но хоронят в них гораздо больше, из поколения в поколения, сжигая останки наиболее старого захоронения. Видимо, по причине экономии места на внешней стене мавзолеев нет эпитафий, а только длинный ряд имен умерших с датами жизни. Интересно отметить, что во времена, когда в этих местах свирепствовала желтая лихорадка и местные жители не знали точно, чем она вызывается, не разрешалось открывать гробницы ранее чем через год. Если в семье оказывался очередной покойник до истечения этого своеобразного карантина, его временно хоронили в нишу в стене, а затем уже устраивали перезахоронение.

Одна из примечательных черт местной погребальной традиции — гробницы, куда захоранивали представителей одной профессии или социальной группы, члены которой входили в какой-либо закрытый, привилегированный клуб. Собственные гробницы-мавзолеи имели, например, члены Типографского союза Нового Орлеана; ассоциация лодочников р. Ред-Ривер. А крупные профессиональные объединения, например пожарники, имели даже собственные кладбища. Некоторые общества создавались ни для чего другого, как для похоронной страховки. Черногожие горожане, лишенные права состоять членами клубов или союзов, охотно платили несколько центов в неделю за членство в похоронной ассоциации, гарантировавшее приличное место на кладбище и похороны.

В городе сохраняется довольно необычная для остальных Соединенных Штатов традиция почитания умерших. Здесь еще существует обычай устраивать ночные поминки перед погребением (wakes). Родственники и друзья собираются, чтобы отдать дань уважения семье покойного, члены которой сидят в комнате с гробом и многократно повторяют обстоятельства смерти. В одной из комнат всю ночь подают кофе. Посетители приходят со своими знакомыми, обмениваются новостями и часто от грустного переходят к праздничному настроению, напоминая тем самым одну из характерных черт негритянских похорон. Новоорлеанцы обычно не ограничиваются газетными сообщениями о смерти. Многие семьи дают извещения с портретами на каждую годовщину, отмечают

Латинской Америки (рис. 10, 11). В конце дня можно заметить в деловой части города, как на некоторых остановках общественного транспорта стоят группы исключительно темнокожих горожан, дожидаящихся автобуса, чтобы добраться до дома после работы. Их облик резко контрастирует с сытой беспечностью начинающего бурлить по соседству французского квартала. Бесспорно, жизнь этих групп городского населения заслуживает более обстоятельного рассмотрения, и только отчаянная нехватка времени, заполненного почти целиком работой симпозиума советских и американских этнографов, удержала автора от попытки сесть в один из таких автобусов и проехать до конца его маршрута.

У Нового Орлеана помимо французского квартала много и других достопримечательностей, представляющих этнокультурный интерес. Например, наличие в городе около 30 кладбищ, из них некоторые — непременный объект туристских маршрутов. Дело в том, что еще с конца XVIII в. здесь получил распространение довольно необычный для Америки способ хоронить мертвых не в могилы, а в наземные саркофаги или склепы. Вызвано это было, в частности, необычайно высоким уровнем почвенных вод (1—3 фута в прошлом и около 18 футов сейчас благодаря дренажной системе и постоянной откачки воды в оз. Понтчатрейн), не позволявшим копать могилы. На таких богатых кладбищах, как Метэри, саркофаги представляли собой роскошные и дорогостоящие сооружения из мрамора или гранита, украшенные каменной резьбой и скульптурой. Такие мавзолеи иногда стоят несколько сот тысяч долларов, и они, конечно, были не по карману бедным горожанам, которых хоронили или в более скромных сооружениях из оштукатуренного кирпича, или в кладбищенской стенке, в нишах, напоминающих стены нынешних крематориев.

В мавзолее обычно имеется место для шести гробов, но хоронят в них гораздо больше, из поколения в поколения, сжигая останки наиболее старого захоронения. Видимо, по причине экономии места на внешней стене мавзолеев нет эпитафий, а только длинный ряд имен умерших с датами жизни. Интересно отметить, что во времена, когда в этих местах свирепствовала желтая лихорадка и местные жители не знали точно, чем она вызывается, не разрешалось открывать гробницы ранее чем через год. Если в семье оказывался очередной покойник до истечения этого своеобразного карантина, его временно хоронили в нишу в стене, а затем уже устраивали перезахоронение.

Одна из примечательных черт местной погребальной традиции — гробницы, куда захоранивали представителей одной профессии или социальной группы, члены которой входили в какой-либо закрытый, привилегированный клуб. Собственные гробницы-мавзолеи имели, например, члены Типографского союза Нового Орлеана; ассоциация лодочников р. Ред-Ривер. А крупные профессиональные объединения, например пожарники, имели даже собственные кладбища. Некоторые общества создавались ни для чего другого, как для похоронной страховки. Черногожие горожане, лишенные права состоять членами клубов или союзов, охотно платили несколько центов в неделю за членство в похоронной ассоциации, гарантировавшее приличное место на кладбище и похороны.

В городе сохраняется довольно необычная для остальных Соединенных Штатов традиция почитания умерших. Здесь еще существует обычай устраивать ночные поминки перед погребением (wakes). Родственники и друзья собираются, чтобы отдать дань уважения семье покойного, члены которой сидят в комнате с гробом и многократно повторяют обстоятельства смерти. В одной из комнат всю ночь подают кофе. Посетители приходят со своими знакомыми, обмениваются новостями и часто от грустного переходят к праздничному настроению, напоминая тем самым одну из характерных черт негритянских похорон. Новоорлеанцы обычно не ограничиваются газетными сообщениями о смерти. Многие семьи дают извещения с портретами на каждую годовщину, отмечают

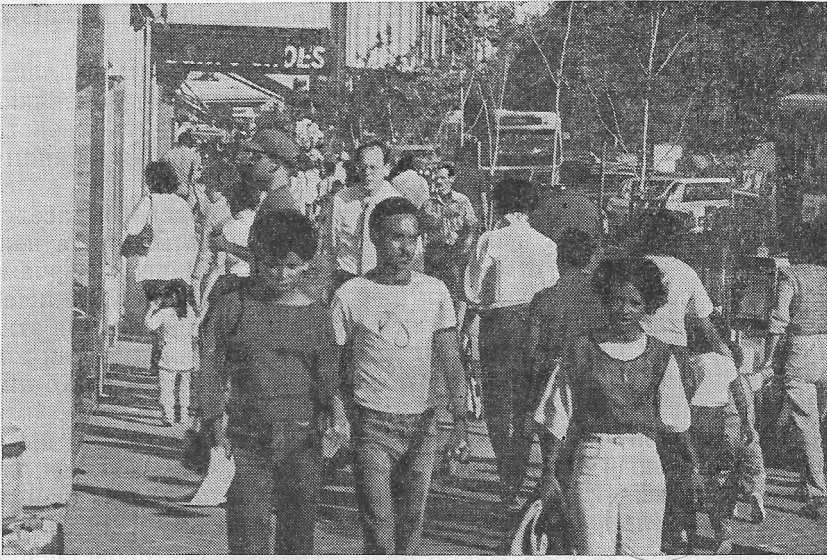

Рис. 10

Рис. 11

Рис. 10 и 11. На улицах Нового Орлеана

дни рождения усопших. 1 ноября, в День всех святых, в городе выходной, и жители поминуют покойных родных, посещая кладбища, где украшают могилы цветами. Семейные группы гуляют по кладбищенским аллеям и проходам, которые имеют свои названия, напоминая тем самым своеобразные «города мертвых».

В заключение хотелось бы отметить следующее. В последние годы автору довелось побывать в таких крупных североамериканских городах, как Чикаго, Нью-Йорк, Монреаль, Торонто, Ванкувер, Сан-Франциско, Лос-Анджелес и др. Хотелось бы отметить, что в силу ряда обстоятельств нынешний город в развитом индустриальном обществе в большей степени является средоточием традиционной культуры, носителем этнической специфики той или иной современной нации, выразителем проходящих в данном обществе этнических процессов, чем сель-

ская местность и ее население, на чем основывалась традиционная этнография.

Во-первых, высокий уровень урбанизации развитых капиталистических государств приводит к тому, что в городах проживает подавляющее большинство населения. Поэтому вполне естественно судить о современном этнокультурном облике народа и этнических процессах в нации или государстве прежде всего по городу и его жителям.

Во-вторых, степень этнической мозаичности городского населения, как известно, почти всегда неизмеримо выше, чем сельского, а некоторые крупнейшие этнические компоненты, составляющие североамериканские нации, почти исключительно представляют собой урбанические популяции. Естественно, такие наиболее динамичные проявления этнических процессов, как миксация, аккультурация, ассимиляция или консолидация, имеют место в городах в масштабах, несоизмеримых с аналогичными их проявлениями в сельской местности.

В-третьих, научно-техническая революция, относительно высокий средний материальный уровень жизни в таких странах, как, например, США и Канада, распространение массовых стандартов и массовой культуры оказали нивелирующее влияние на все стороны жизни сельского населения (за исключением, может быть, производственной специализации хозяйств) и жителей мелких поселков значительно более, чем на обитателей крупных городов и городских агломераций. Последние остаются полюсами усиленной капиталистической эксплуатации, сопровождаемой этнической и расовой дискриминацией. Именно здесь — главное средоточие социальных антагонизмов и конфликтов, барьеры которых проходят чаще всего по этническим и расовым границам. Недоступность общеамериканских стандартов для многих горожан компенсируется элементами традиционной культуры собственных этносов. К сохранению последних на коллективном уровне подталкивает также необходимость выживания представителей той или иной группы и достижения ими приемлемого социального статуса в обществе. В сельской местности все эти факторы, действующие в пользу сохранения традиционных элементов культуры и этнической мозаичности, присутствуют в более слабых формах.

В-четвертых, потребности сохранения культурного наследия, его коммерческого использования прежде всего индустрией туризма, научные и политические соображения привели в последние десятилетия к значительному перемещению исчезающих атрибутов традиционной культуры, как материальной, так и духовной, в крупные городские центры. Концентрация этнографического материала происходит прежде всего в форме создания заповедных комплексов, этнопарков, музейных и частных коллекций, научных собраний и т. п.

Все отмеченное делает изучение этнографии зарубежных городов, в частности североамериканских, одним из актуальных и перспективных направлений научных исследований.